

Формула старьй город Гедимина

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ ЛАВРИНЕЦ

Вильнюс

Vilnius, the capital of Lithuania and the most prominent cultural center of different ethnic groups which live here, has been and still is in multinational poetry. The most famous periphrastic name for Vilnius is *the old town of Gediminas*. This name and its different variants are presented in different verses and poems written by Russian, Polish, Lithuanian, and Belarussian poets, despite the fact they belong to different political groups and have different ethical interpretations. It is the main form of the *Vilnius text*, which is supported by historical and local realities and is based on the mythological imaginations of the foundation of Vilnius. This form reflects the poetical interpretation of the Lithuanian capital and its history.

Совокупность поэтических текстов о Вильнюсе образует своеобразный транскультурный *вильнюсский текст*. В некоторых отношениях он сопоставим с *петербургским текстом* русской литературы [см.: Топоров 1984]. Традиционный образ города дрящей древности, столицы с неисчезнувшим прошлым, великокняжеским и языческим, в *вильнюсском тексте* создается совокупностью постоянных мотивов и соответствующих устойчивых формул. Более того, поэтические тексты о Вильнюсе могут рассматриваться как экспликации таких формул и их разнообразные сочетания. Перифрастическое обозначение Вильнюса (*старьй / древньй*) *город Гедимина*¹ представляется самой существенной из таких формул.

Появляясь в разнообразных контекстах, она обнаруживается в текстах различных жанров на разных языках; авторы различного этнического происхождения, отличающиеся друг от друга социальным положением и конфессиональной принадлежностью, придерживались несходных и подчас противоположных политических и эстетических ориентаций. Так, в стихотворении сына польки-като-

¹ Далее в цитатах сохраняется авторское написание имен князей и жрецов.

лички и словака-униата, однако сознательно, в зрелом возрасте принявшего православие, ощущавшего себя русским и занимавшего, в частности, должность цензора П.В. Кукольника (1795–1884) “Липинский в Вильне” (1838), формула *град древний Гедимина* применяется к описанию концерта знаменитого скрипача К.Ю. Липинского (1790–1861) [Кукольник 1861, 21]. Католический священник, впоследствии вынужденный стать священником православным, литератор, этнограф и один из пионеров литовского национального возрождения, Л.А. Юциявичос (1813–1846) в литературном портрете С. Валюнаса (1789–1831) писал о Наполеоне, который “w starożytym Gedymina grodzie się zjawii” [Jucevičius 1840, 188]. В этнографическом очерке Литвы (1846) вариант усеченной (без эпитета) формулы он использовал в описании традиционных гуляний в рождце на Антакальнисе в день св. Петра.

В частном письме известному издателю и исследователю прошлого Литвы А.Г. Киркору (1818–1886) литератор, общественный и политический деятель М. Акялайтис (1829–1887) 3 мая 1858 г. писал (оригинал на польском языке): “ne taip jau bloga Gedimino mieste” [цит. по: Janulaitis 1925, 299]. К тождественным и сходным формулам неоднократно прибегал в своей поэзии их общий знакомый В. Сырокомля (настоящее имя Людвик Кондратович; 1823–1862). В современных воспоминаниях о вильнюсском ксендзе К. Чибирасе (1888–1942) говорится, что благодаря ему костел св. Николая (Микалоюса) стал “senojo Gedimino miesto dvasinio atgimimo centru” [Šimelionis 1995].

Формулы *старый город* (ср. *город древний* [Жиркевич 1890, 167], *старинный град*, С. Плаксия; *mieste miūc senas*, Л. Гира, и т.п.), *город Гедимина* и комбинации их вариантов (наиболее продуктивно варьирование эпитетики) представляют собой частные реализации инварианта (*старый / древний город Гедимина*). В пример можно привести *Гедимина град* в переводе поэмы И.Ю. Крашевского (1812–1887) *Витольдовы битвы* [Роткирх 1886], включенный бароном В.А. фон Роткирхом (1818–1891) в V том его итогового сборника *Воспоминания Теобальда* (1890) либо *gród Gedymina* в стихах К. Проневской (Праняускайте; 1828–1859) или в *Романе без названия* (1854) Ю.И. Крашевского; ср. там же тост “naszemu staremu grodowi, ulicom i muirom poczciwego Wilna” [Kraszewski 1974, 236, 242].

Примечательно, что в стихотворении П. Вайчюнаса (1890–1959) с характерным названием “Gedimino mieste” (1940) фигурирует *žilasis Vilniau* [Vaičiūnas 1992, 86]. И наоборот, в опубликованном по-

смертно стихотворении Д.С. Самойлова (1920–1990) “Старая Вильна” (1963) высокая вневременность обыденной жизни выражается отсылкой к условной начальной точке отсчета бытия города:

Так было и при Гедимине:
Дымился огонек в камине,
И толстый голубь ворковал,
И парень девуку целовал.

[Самойлов 1994, 4].

Уместно сопоставить ключевую формулу *вильнюсского текста* с распространенным перифрастическим наименованием Петербурга — например, в виде *новый град Петров* (1730) у А.Д. Кантемира (1708–1744), — употребительным в русской поэзии с конца XVIII в.; ср. *славный град Петров* (1803) у И.М. Борна (1778–1851), *шумный град Петра* (1821) у К.Ф. Рыльева (1795–1826), и т.п. Внешне формулировки (*старый*) *город Гедимины* и (*новый*) *город Петра* аналогичны. Однако по происхождению, мотивации и содержанию они существенно отличаются друг от друга.

Официальное иноязычное название *Sankt-Petersburg* (‘город святого Петра’), среди прочего, подразумевало некую соотнесенность с Римом, также городом апостола Петра. Название новой российской столицы (в отличие от старой Москвы), причем столицы именно империи, мотивация которой была изначально многозначна, быстро переосмыслялось. Этому содействовала сакрализация личности ее основателя; процесс, начавшийся еще при жизни Петра I Алексеевича (1672–1725), привел к тому, что “город святого Петра стал восприниматься как город императора Петра” Осмысление Петербурга как создания Петра Великого, связанного с его личностью и, следовательно, с именем, уже в начале XIX в. вытеснило первичные мотивации названия города. Вместе с тем императору Петру I “начинают приписываться не только исторические качества основоположника и строителя, но и мифологические — покровителя и защитника” [Лотман–Успенский 1982, 244–245].

Великий князь литовский Гедиминас (годы правления 1316–1341) — один из важнейших персонажей своего рода локального мифориторического ритуала, если воспользоваться удачным термином А.В. Михайлова (впрочем, введенным применительно к вполне определенной и отличной от обсуждаемой ситуации [см.: Михайлов 1988, 308–318]). Но функциями патрона города он по понятным причинам не наделялся: для этого необходима сакрализация исторического деятеля с последующим установлением особого культа.

С другой стороны, князя-основателя Вильнюса невозможно было соотносить с тезкой — христианским святым-покровителем, тем более — их отождествлять, поскольку Гядиминас был язычником.

Строительство светского Петербурга сопровождалось идеологически аранжированной программой сооружения православных храмов, освящавших новый центр российской государственности. *Город святого* становился *святым городом*, для чего и вследствие чего снижалось значение “московских святынь”. Напротив, Гядиминас создал военный, политический, экономический центр Литвы, перенеся в уже имевшееся средоточие общелитовского языческого культа свою столицу. Иначе говоря, религиозный центр в устье Вильни существовал задолго до перенесения литовской столицы из Тракай.

Сооружение на месте будущей столицы языческого капища и установление ритуала трупосожжения традиция приписывает другому персонажу. Легендарный князь Швянтарегис (Свинторог) умер, по преданиям, по меньшей мере за полвека до основания Гядиминасом великокняжеского замка в Вильнюсе. О двух разных событиях (учреждение культового центра и создание нового центра государственности) повествуют два отдельных, хотя и связанных друг с другом цикла преданий [см.: Топоров 1980, 16–71]. Примечательно, что летописные сказания и их переложения в историографической и краеведческой литературе XIX в. раннюю историю Вильнюса излагают в такой последовательности эпизодов.

При этом и в сюжете об основании Вильнюса как центра светской военно-политической власти религиозно-ритуальный аспект отчетливо связан с другим действующим лицом. Неспособность Гядиминаса (и его свиты) проникнуть в смысл собственного трансцендентного опыта означает несакральный характер княжеской власти, выявляя ее соотношение с властью жреческой. Интерпретацию сна криве-кривайтисом Лиздейкой позволительно трактовать как санкционирование жрецами закладки города (замка) и перенесения столицы из Тракай в Вильнюс.

Таким образом, ключевая формула *вильнюсского текста* отражает прежде всего представления о центре власти великого князя литовского, учрежденном Гядиминасом. Однако для последующих мифопозитивских интерпретаций существенно и то, что *город Гедимина* заложен в уже освященном ритуалом месте: *знач, т.е. вечный огонь Перкуна, жилища жрецов и священный лес в долине Свинторога* [Кукольник 1860], *священная долина* [Кукольник 1861, 76], *дол священный, долина Святорога* [Роткирх 1886], *капище, Знич неугасимый* [Жиркевич 1890, 168].

Кроме того, основанный Гядиминой замок (или город) получил дополнительную санкцию чудесным сном князя. Предсказание Лиздейки проецирует бытие Вильнюса в будущее время. Этот легендарный мотив, приуроченный к эпизоду основания города, в авторской литературе трансформировался в мотив стабильности, положительно маркированной вневременности *города Гедимины*. Другая его трансформация представлена мотивом возрождения в будущем былого величия [см.: Лавринец 1996].

Многочисленные пересказы летописных сказаний об основании Вильнюса как столицы в исторнографических трудах, краеведческих сочинениях, путеводителях, справочниках, дорожных очерках, художественных произведениях в XIX–XX вв. поддерживали такую мотивацию перифрастического названия Вильнюса; в случае с Петербургом мотивировались и название, и перифраза. В частности, сюжет о вещем сне Гядимины и предсказании Лиздейки инкрустирован в книгу IV эпопеи А. Мицкевича (1798–1855) *Пан Тадеуш* (1834) и по существу повторен в объяснениях автора. Он развернут в отдельный эпизод романа Н.В. Кукольника (1809–1868) *Альф и Альдона* (1842).

В истолковании Лиздейки приснившийся князю железный волк и столичный город тождественны. Мифологический образ *Geležinis Vilkas* предстает сущностью Вильнюса в стихах П. Вайчюнаса [Vaičiūnas 1992, 63, 72], воспроизводя содержательное ядро предания об основании города; ср. особый случай *Gedimino sapno Vilko* в стихотворении “Vilniaus, Vilniaus!” (1924) [Vaičiūnas 1992, 66]. Символическое существо и метафорическое обозначение Вильнюса отождествляются и в формуле *vilkas gelžinis, pilis Gedimino* в прологе драмы Майрониса (настоящее имя Йонас Мачюлис; 1862–1932) *Смерть Кястутиса* (1921) [Maironis 1987, 113]. К тому же мотиву так или иначе обращались Т. Жичкус-Жичкаускас (1844–1929), Б. Браздзионис и другие поэты. Белорусского поэта З. Бядулю (1886–1941) предание вдохновило на поэму *Железный волк*. Тот же сюжет изложен в стихотворном включении в романе А.И. Кленова *Поиски любви* (1967) [Кленов 1967, 361–364]. Модернизированная версия традиционного сюжета сна о железном волке воспроизводится в “рок-балладе” В.А. Асовского *Замок* (1987).

На этом фоне выделяется отсутствием ставших своего рода шаблоном мотивов охоты, вещего сна, пророчества Лиздейки (и потому представляется особенно привлекательной) версия основания города в очерках *Письма русского офицера* (1815) Ф.Н. Глинки (1786–1880). Более того, она дает редкий пример мотива актуа-

лизации неразрывной и длящейся связи между городом и его основателем:

За 509 лет пред сим Гедемин князь Литовский, расчистив дремучие леса, основал Вильну на берегах Вилии и Вилейки. И вот уже пять веков, как, повинуся основателю своему, не оставляет она своего места: растет, богатеет, ширится, но все в своей долине, не смея взойти на горы, смыкающиеся вокруг нее кольцом [Глинка 1987, 179].

Очевидно, формулы *старая столица Гедимина, столица Гедимина* представляют собой вариации формулы *город Гедимина*. Смысловая тождественность формул *город Гедимина* и *столица Гедимина* подтверждается их употреблением в одних и тех же либо аналогичных контекстах, позволяющих практически без ущерба заменять одну другой. Так, в описании К. Тышкевича (1806–1868) его путешествия по реке Нярис в 1857 г. в одном случае встречается *senąją Gedimino sostinę*, в другом — *į senąjį Gedimino miestą* (оригинал на польском языке) [цит. по: Tiškevičius 1992, 26, 201].

С другой стороны, в некоторых текстах формулой *столица Гедимина* подчеркивается навсегда ушедшее былое Вильнюса с угасимым Зничем и толпами вайделотов, сигенотов, крехов: с утратой Литвой государственности и крещением Литвы город перестал быть столицей и средоточием языческого культа². Так, стихотворение П.В. Кукольника “Аделаиде Романовне Гейнрихсен” с показательным подзаголовком “Воспоминания о Вильне” начинается риторическими вопросами: “Где ты, столица Гедимина? / Где замки грозные твои?” [Кукольник 1861, 76]. Его же очерк, посвященный преимущественно прошлому Замковой (Пилес) улицы, в авторском метаописании представлен как прогулка по главной улице “бывшей Гедиминовой столицы” [Кукольник 1860]. Казалось бы, сходный смысл содержится в определении В. Сырокомли *stara stolica Gieduimino* или в словах “*sostinė Vilnius, Vilnius Gedimino*” из эпилога драмы *Великий Витаутас — король* (1930) Майрониса [Maironis 1987, 441] (ср. у него же *Gedimino buveinė*).

Одна и та же формула, содействующая сохранению и развитию поэтизированного романтического культурного мифа, в различных контекстах приобретает несходные значения. В идеологически окрашенных русских текстах, так или иначе связанных с пропаган-

² В языке как поборниками литовского национального возрождения, так и русскими авторами конца XIX в., в силу политически актуальных мотивов, подчеркивавших отличия литовцев от поляков, усматривалось концентрированное выражение этнокультурной самобытности литовцев.

дистской борьбой во время восстания 1863 г. и особенно после его подавления, обозначение Вильнюса как старинного центра литовской государственности имело два определенных подтекста. Во-первых, оно должно было подчеркнуть несостоятельность претензий поляков на Литву и ее древнюю столицу, так как национально-освободительное движение в Литве российскими властями отчасти воспринималось, а отчасти, в пропагандистских целях, и изображалось как происки поляков и католической церкви в исконно русском и православном крае, некогда составлявшем ядро литовско-русского государства Гедиминовичей (*польский вопрос*).

Во-вторых, при этом акцентировалось то, что государственность Литвы осталась в далеком прошлом. Поэтому не должна удивлять формула *древняя Литовская столица* в брошюре *Русская Вильна* (1864) А.Н. Муравьева (1806–1874)³, написанной в продолжение его *Путешествий по святым местам русским* (1836) [1864, 1].

В сходном ключе предстал романтический образ Вильнюса, оставаясь привлекательным благодаря налету экзотичности, и в русской поэзии. Так, военный юрист и общественный деятель А.В. Жиркевич (1857–1927) в качестве экспозиции XIII главы под названием “Вильна” в автобиографической поэме *Картинки детства* (1890) дает картину города с весьма двусмысленными акцентами (“Как обновленная гробница, / Лежит Литовская столица..”) и его героического, но мрачного и жестокого прошлого. При этом, не называя Гедимины по имени, автор не столько пересказывает, сколько обозначает хорошо известный расхожий сюжет:

Здесь ночевал Литовский князь
И видел сон: и город древний
Сначала жалкою деревней
Вокруг твердынь и грозных рвов
Поднялся в местности дремучей,
Над Вилии песчаной кручей...

[Жиркевич 1890, 167].

Иные смыслы носят формально тождественные выражения в других текстах. Определение *dawna stolica Wielkiego Księstwa* в мемуарной книге (1958) Ч. Милоша, вероятно, отчасти можно отнести к той поре, когда губернская Вильна настоящего, казалось бы, не давала будущему никаких шансов на возрождение прошлого столицы литовского государства [см.: Miłosz 1990, 59]. Но в текстах начала

³ Младший брат М.Н. Муравьева (1796–1866), виленского генерал-губернатора в 1863–1865 гг.

XX в., особенно литовских [см.: Kubilius 1993, 91–98], те же формулировки утверждали и саму литовскую государственность, и право возрожденного литовского государства на свою древнюю столицу. В пример можно привести первые слова литовского путеводителя по Вильнюсу 1937 г., тираж которого тогдашней польской администрацией Вильнюса был, естественно, уничтожен: “Buvusios Didžiosios Lietuvos Kunigaikštystės sostinė Vilnius” [Juškevičius–Maceika 1991, 4]. Аналогичные формулировки способны подчеркнуть, как в статье Т. Венцловы (1979), парадоксальность ситуации Вильнюсского университета времен Советской Литвы: курсы культуры, истории, права, языков Великого княжества Литовского были нежелательны “senojoje Didžiosios Kunigaikštystės sostinėje” [Venclova 1992, 68].

Мотив возрождения в бывшей столице Литвы новой государственности педалируется в статье Л. Гиры (1884–1946) о создании в 1918 г. литовской армии в “древнем стольном граде Литвы — Вильне”: “у седых развалин Гедиминового Замка” зарождается “молодая литовская государственность”; “в древнем граде Гедимина, вторично собирающемся стать колыбелью литовской государственности” [Гира 1929]. Гира использует суггестивные возможности эстетического принципа контраста, обусловленного переключением в публицистический текст таких ярко выраженных мифологических оппозиций легенды об основании Вильнюса, как *верх — низ* (Замковая гора — долина Швянтаргиса), *настоящее — будущее, сон — явь, миф — история* и т. д.

Формулы *город Гедимина, столица Гедимина* и в русских текстах соотносятся с идеей возрожденной литовской государственности. Образцом можно считать финальные строки стихотворения “Сон Гедимина”, напечатанного к годовщине провозглашения независимости Литвы 16 февраля 1921 г. в газете *Виленский курьер*. Большая часть его состоит из рифмованного пересказа предания о вещем сне, в котором волчий вой предвещал не только славу великого города, но и кровопролитные раздоры. Завершают “Сон Гедимина” строки:

Славный город седой Гедимина,
Это Вильно — столица Литвы!..
[Маяя 1921].

Подобные формулировки обнаруживаются не только в поэзии, и не всегда в намерения авторов входило утверждение литовского характера Вильнюса либо его принадлежности, в прошлом или на-

стоящем, Литве, — в частности, в сложной ситуации Срединной (Центральной) Литвы. Например, литератор и русский общественный деятель межвоенного Вильнюса Д.Д. Бохан публицистическую статью по поводу полемики с политической подоплекой между архиепископом К. Гриневецким (1841–1929) и ксендзом, известным белорусским активистом В. Толлочко (1887–1942), начинает традиционной формулой: “Наша прекрасная старая столица Гедимина [...]” [Бохан № 141]. В рецензии на книгу стихов С. Вежинского Бохан упоминает польского поэта в том, что его сонеты о Вильнюсе посвящены, среди прочих, Наполеону или князю Юзефу Понятовскому. Между тем “не эти имена — характерны для столицы Гедимина и Ягеллы” [Бохан № 276].

Тем не менее в межвоенные годы варианты ключевой формулы *вильнюсского текста* использовались в откликах на *вильнюсский вопрос* с пролитовских позиций. Например, в письме “Моим литовским друзьям”, датированном 16 сентября 1929 г., К.Д. Бальмонт (1867–1943) благодарит группу литовских литераторов за присланный ему альбом “Vilnius (1323–1923)” и выражает уверенность в том, что “город славного в веках Гедимина будет возвращен его верным сынам” [Бальмонт 1929]. Стихотворение русского поэта “Опомнись, Польша!” завершается призывом:

Отдай же древний город Гедимина,
Литве, законным детям Гедимина,
Ты можешь в честной дружбе жить с народом,
Который ныне твой смертельный враг.
[Бальмонт № 510].

Русский поэт неоднократно обращался к преданию об основании столицы Литвы, его образам и мотивам, к фигуре ее основателя. Вильнюс для него — *Гедиминова Вильна*, которая должна увенчать Литву, как говорится в финале стихотворения “Обручение” (1930) [Бальмонт № 432]. Стихотворение вошло в книгу стихов *Северное сияние*, изданную в 1931 г. в Париже. Еще год спустя оно было перепечатано к очередной годовщине захвата Вильнюса в каунасской газете *Литовский курьер* (1932, № 165, 9 октября). В стихотворении “В последний раз” (1930) поэт увещевал Польшу возвратить Вильнюс Литве, поскольку

Это — замок Гедимина!
Там сто волков таит Железный Волк,
Они взрычат.

[Бальмонт № 529]

Стихотворение также включено в сборник *Северное сияние*.

Тот же мифологический образ из сновидения Гядиминаса Бальмонт использовал в стихотворении “Имена” (1930). Посвященные Гядиминасу строки можно прочитать и как призыв городу помнить о нем, и как поэтическое пророчество возвращения столицы Литве:

И все он веры чтит. Им замок вознесен.

Тот волк, в ком сто волков, вернется.

Помни, Вильна!

[Бальмонт 1931, 33].

Позднее стихотворение было опубликовано в каунасской газете *Литовский курьер* накануне дня Кястутиса, широко отмечавшегося в сентябре 1932 г. в связи с 550-й годовщиной смерти великого князя.

Собственно литературная традиция изображения Вильноса как старинного города с ярким и величественным языческим прошлым, как основанной знаменитым князем древней столицы могучего государства взаимодействовала с семантикой реального города с такими выдающимися ландшафтными и историко-архитектурными деталями, как Замковая гора и остатки замка на ней. Например, в поэме *Пац и Нарейя. Литовское предание* (1886) действие относится к далекому прошлому —

В те года, когда Неман и Велью

Украшали твердыней своей

Башни замков литовских князей

(Из которых дворец Гедимина

Над обрывом Замковой горы

Уцелел, как седая руина,

Схоронившая тень властелина

И скрижали минувшей поры...).

Примечание автора сопрягает с легендарной древностью современный город:

Замковая гора находится в г. Вильно; на вершине этой горы сохранились развалины дворца литовского князя Гедимина [Ляпкин 1888, 138].

Использование пейзажного антуража, образов старинной архитектуры и поэтических руин в стихотворных текстах о Вильносе так или иначе воспроизводило формулу *старый город Гедимина*. Не менее основательным было бы утверждение, что сама формула предопределяет восприятие города и его литературный образ. Так, в стихотворении А.И. Кленова “Древний город” Вильнос несколько раз назван “старым городом”, городом, “башнею увенчанным”,

башня в заключительной строфе названа “Гедиминовой” [Кленов 1957, 152–154; Кленов 1967, 393–395]. И, наоборот, в стихотворении “С горы Гедимины” (1963) А.А. Прокофьева (1900–1971) “веет древнею былою” “старый Вильнюс” [Прокофьев 1976, 602–603].

Ландшафтно-архитектурные детали в сочетании с именем основателя города отсылают ко всему комплексу представлений о возникновении Вильнюса и его исторических судьбах. Примеры таких формул многочисленны: *холм Гедимины* (Е.А. Долматовский), *гора Гедимины* (А.А.Прокофьев), *башня Гедимины* (С.Ю. Куняев), *башня князя Гедимины* (В.А. Асовский), *замок Гедимины* (Н.К. Старшинов), *Gedimino kalnas* (Л. Гира), *Gedimino bokštas* (Л. Гира), *Gedimino pilis* (П. Вайчюнас). Метонимически обозначая Вильнюс, башня Гядиминаса или руины замка (либо дворца) на горе Гядиминаса (или Замковой горы) дают еще одну вариацию ключевой формулы *вильнюсского текста*.

В стихотворении Д.Д. Бохана “Спор” (1921), в жанре газетного стихотворного фельетона, изложившего суть *вильнюсского вопроса*, замок предстает воплощением политического бытия нации и весомым аргументом в споре о принадлежности города:

Гордость каждого литвина,
Памятник родной —
Старый замок Гедемива
На горе святой!

[Бохан № 134].

В стихах К.Д. Бальмонта *замок (Гедимины)*, П. Вайчюнаса *Gedimino pilis*, *Gedimino bokštas* выступают такими же или сходными символами полноты национально-государственного бытия. По существу, они обозначают не конкретное здание, не благоприятное для Литвы разрешение “вильнюсского вопроса”, а воплощают национальную идею. Иначе говоря, архитектурные и ландшафтные объекты естественного пространства исторического центра города приобретают ценностные религиозные, этические, идеологические характеристики.

В поэмах М. Липкина (“дворец Гедимины / Над обрывом Замковой горы”), А.В. Жиркевича (“с горы Замковой / Сбегает стен булыжных ряд”), текстах других авторов руинам замка не придается символическое значение, но с величественным прошлым они ассоциируются. Отсутствуют глубинные контекстные смыслы в лирических пейзажных зарисовках, подобных любительскому стихотворению из вильнюсской газеты:

Ты знаешь гору Гедимина,
Откуда с башни чудный вид,
На даль лесов, и стен руина
На город сумрачно глядит?

В таких произведениях актуализируется связь с прошлым (представленным, впрочем, весьма обобщенно), воображаемым при виде с горы (“Взор манят чудные картины, / Нам о минувшем говоря”). Сами развалины (“вид унылый, страшный”) высоких воспоминаний не вызывают: “Видали эти стены кровь / И виселицы возле башни” [Французович 1922].

Тем не менее и в подобных случаях образ реального Вильнюса в конкретном тексте соотносится с легендарным сюжетом основания города. Актуальный текст благодаря формуле (*старый / древний*) *город Гедимина* (и ее вариантам) отсылается к начальному сюжету и через него получает дополнительное мифопоэтическое, историко-софское либо национально-историческое осмысление. Сочетание противопоставлений воинской доблести и сокровенного знания, начального времени и будущего, когда слава Вильнюса “будет слышнута на весь свет” [цит. по: Топоров 1980, 41], таинственного сновидения и его прагматичного истолкования (ряд можно продолжить) и сам принцип оппозиций исходного текста, определяют фундаментальные структурные особенности *вильнюсского текста*.

В частности, мотив настоящего мифологического времени и времени будущего исторического в предании трансформируется в тему противопоставления исторических эпох (темная языческая старина — светлая христианская современность, героическое прошлое — унылое настоящее, нынешняя деградация — грядущее возрождение, и т.п.) либо в темы соприсутствия различных временных пластов, мирной частной жизни на фоне бурной истории. Осмыслению образа города в категориях роста и убыли, величия и упадка способствуют естественные ландшафтно-топографические оппозиции *верх — низ, гора — долина, башня — гора*. Они, в свою очередь, имплицитно оппозиции *культура — природа, изменчивость — постоянство, исключительное — обычное*.

Формула (*старый / древний*) *город Гедимина* определяет осмысление Вильнюса в категориях чудесного (сон князя) и величественного (славная старина столицы). Основание Вильнюса как столицы выделяет *город Гедимина* из ряда других городов. Исключительность усиливает то обстоятельство, что начало городу положено в месте совершения ритуалов, в ценностно окрашенном участке пространства. Уникальное сочетание свойств хронотопа *древнего горо-*

да Гедимина определяет исключительность Вильнюса в *вильнюсском тексте*. Актуализация в формуле прошлого ('старый') и, через отсылку к преданию об основании города Гядиминомасом (вследствие столкновения сна Лиздейкой), будущего придает Вильнюсу свойство вечного, вневременного и неподвластного переменам города.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальмонт 1929: Поэт Бальмонт — литовским друзьям, *Наше эхо*, № 178, 9 октября.
- Бальмонт № 432: К. Д. Бальмонт — литовским друзьям (Последняя поэма о Литве). Обручение, *Наше эхо*, 1930, № 432, 15 августа.
- Бальмонт, К. № 510: Опомнись, Польша!, *Наше эхо*, 1930, № 510, 18 ноября.
- Бальмонт, К. Д. № 529: В последний раз, *Наше эхо*, 1930, № 529, 11 декабря.
- Бальмонт, К. Д. 1931: *Северное сияние*: Стихи о Литве и Руси, Париж, 1931.
- Бохан № 134: Додо [Бохан Д. Д.], Спор, *Виленское слово*, 1921, № 134, 31 января.
- Бохан, Д. Д. № 141: Уголок средневековья, *Виленское слово*, 1921, № 141, 7 февраля.
- Бохан, Д. Д. № 276: Сорный ящик. Новый виленский поэт, *Виленское слово*, 1921, № 276, 23 июня.
- Гира, Л. 1929: Первые дни литовской армии, *Наше эхо*, № 217, 24 ноября.
- Глинка, Ф. Н. 1987: *Письма русского офицера*, Москва.
- Жиркевич 1890: Нявин, А. [Жиркевич, А. В.], *Картинки детства*: Поэма, Санкт-Петербург.
- Кленов, А. И. 1957: *Неназванная книга*, Москва.
- Кленов, А. И. 1967: *Поиски любви*: Роман с лирическими отступлениями, Москва.
- Кукольник., П. 1860: Путешествие по Замковой улице в Вильне, *Виленский курьер*, № 1, 1 января.
- Кукольник, П. 1861: *Стихотворения*, Вильно.
- Лавринец, П. 1996: Образ "Вильны стародавней", in *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*, т. П, Таллинн [1996], 95–113.
- Липкин, [М.] 1888: *Стихотворения*, Вильна.
- Лотман, Ю. А., Успенский, Б. А. 1982: Отзвуки концепции "Москва — третий Рим" в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко), in *Художественный язык средневековья*, Москва, 236–249.
- Майя 1921: Сон Гедимина, *Виленский курьер*, № 47 (471), 16 февраля.
- Михайлов, А. В. 1988: Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв., in *Античность как тип культуры*, Москва, 308–324.
- Муравьев 1864: [Муравьев А. Н.], *Русская Вильна. Приложение к "Путешествию по Св. местам Русским"*, Санкт-Петербург.

- Роткирх 1886: Теобальд [Роткирх В.А.], Отрывки из литовской поэмы I.И. Крашевского "Витольдовы битвы". V. Последние минуты Ольгерда, *Виленский вестник*, № 112, 28 мая.
- Прокофьев, А.А. 1976: *Стихотворения и поэмы*, Ленинград.
- Самоёлов, Д. 1994: *Черта. Книга стихотворений*, Москва.
- Топоров, В.Н. 1980: *Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф*, in *Балто-славянские языковые контакты*, Москва, 3-71.
- Топоров, В.Н. 1984: Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему), *Труды по знаковым системам*, т. 18: *Семантика города и городской культуры*, Петербург-Тарту, 4-29.
- Французович, К. 1922: Гора Гедимяна (Из картин г. Вильно), *Виленская речь*, № 121, 24 июля.
- Jucevičius 1840: Ludwik z Pokiewia [Jucevičius L.A.], Walentinowicz, in *Linksmine. Prace literackie*, Wilno, 186-195.
- Kraszewski, I.J. 1974: *Powieść bez tytułu*, Wyd. 2-gie, t. I-II, Kraków.
- Kubilius, V. 1993: *Romantizmo tradicija lietuvių literatūroje*, Vilnius.
- Maironis 1987: *Raštai*, t. 3, kn. I, *Dramos*, Vilnius.
- Miłosz, Cz. 1990: *Rodzinną Europą*, Warszawa.
- Juškevičius, A., Maceika, J. 1991: *Vilnius ir jo apylinkės*, 3-asis (fotogr.) leid., Vilnius.
- Janulaitis, A. 1925: Mikalojaus Akelaičio laiškai į Kirkorą, *Tauta ir žodis*, t. 3, 299-319.
- Šimelionis, I. 1995: Vilniaus Vytauto Didžiojo gimnazijos 80-mečiui, *Šiaurės Atėnai*, Nr. 37 (281), rugsėjo 23 d.
- Vaičiūnas, P. 1992: *Laisvės keliais*, Vilnius.
- Tiškevičius, K. 1992: *Neris ir jos krantai: Hidrografo, istoriko, archeologo ir etnografo akimis*, vertė V. Būda, Vilnius.
- Venclova, T. 1992: *Vilties formos*, Vilnius.